

Ю. Ю. Афанасьева

РАЗРУШЕНИЕ ПАТРИАРХАТНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ЖУКОВОЙ

Творчество русской писательницы первой половины XIX века Марии Жуковой рассматривается с позиций гендерного литературоведения, позволяющих полнее осмыслить вводимые ею новые сюжетные схемы и нетрадиционные персонажи.

Ключевые слова: *беллетристика XIX века, гендерный подход, женская литература.*

С развитием гендерных исследований современное литературоведение переживает новый этап: появляется интерес к писателям «второго ряда», пересматриваются традиционные взгляды на художественное произведение и текстовые практики письма. Использование гендерного анализа наряду с традиционным историко-литературным подходом позволяет показать иной взгляд на развитие русской литературы, обогатив представление о литературном процессе 1830–1850 гг. именами полузабытых авторов-женщин.

Произведения М. Жуковой с успехом публиковались во всех крупнейших журналах эпохи, выходили отдельными изданиями и переиздавались. Творчество Жуковой высоко ценили критики разных идейно-эстетических ориентаций: В. Г. Белинский, Н. А. Некрасов, О. И. Сенковский, Ф. В. Булгарин, Н. А. Полевой, Н. И. Греч.

Совершенно новый этап исследования творчества М. Жуковой начинается в 1990-е гг. с серии литературоведческих исследований, в которых ее сочинения анализируются с гендерных позиций. Этот современный подход к «прочтению» женской прозы использовался как зарубежными, так и отечественными литературоведами: Барбарой Энджел, Хью Эплин, Катриной Келли, Хильдой Хугенбум, Джо Эндрю, Ириной Савкиной.

Гендерный метод исследования позволяет во многом по-новому взглянуть на творчество Марии Жуковой в литературном процессе XIX в., выявить связь ее тем и образов с современной женской литературой, показать своеобразие и самобытность прозы писательницы. Кроме этого, гендерный подход позволяет увидеть особенное, «женское» в самих художественных текстах Жуковой, а также переосмыслить критическую рецепцию ее творчества в XIX – начале XX в.

В 1830–40-е гг. в профессиональной литературной среде впервые появляются женские имена, а в критике возникает понятие «женская литература». М. С. Жукова (1804–1855), урожденная Зевакина, вошла в историю русской литературы как автор повестей, романов и путевых очерков. В период с 1837 по 1857 г. в самых популярных журналах того времени («Библиотеке для чтения», «Отечественных записках», «Современнике» и др.) было опу-

бликовано более двадцати ее произведений. Публикация цикла повестей «Вечера на Карповке» была анонимной, но не осталась незамеченной ни читателями (через год потребовалось второе издание повестей), ни ведущими критиками того времени.

Наиболее экспериментальной и новаторской по сюжетостроению и присутствию в ней нетрадиционных персонажей можно назвать повесть М. Жуковой «Провинциалка» (1837). Взяв за основу, по видимому, пушкинский сюжет о Татьяне Лариной, автор-женщина по-новому модифицирует его, создавая собственный вариант нарративного жанра. Жукова предлагает читателям два финала сюжетной линии героев. В первом случае она следует романтической традиции, разлучая влюбленных; во втором варианте – завершает произведение психологически убедительным финалом, в котором повзрослевшие и простившие друг друга герои соединяются в счастливом браке. Предлагая другую развязку (в которой герои, несмотря на жизненные перипетии, обретают свое счастье в семейном союзе), Жукова вступает в своеобразный диалог с мужской версией судьбы Татьяны Лариной: «но я другому отдана, я буду век ему верна». В финале женской повести героиня подчиняется не столько долгу – основной категории зависимости женщины в патриархальном обществе, – сколько свободному выбору самопожертвования (простив измену, заменив мать осиротевшему ребенку).

Интересно проследить интерпретацию творчества Марии Жуковой в рецепции издателя журнала «Библиотека для чтения» О. И. Сенковского. Редактируя повесть Жуковой, Сенковский не только позволил себе стилистическую правку, но и односторонне изменил сам замысел повести с уклоном в сторону господствующих патриархальных представлений. «Отредактированная» Сенковским повесть Жуковой вызвала у читателей разочарование. По словам Н. А. Полевого, «многие изумлялись, куда девался прелестный, увлекательный рассказ сочинительницы. Что за фразы, что за слова, что за выражения!». После появления в печати второй части «Вечеров», куда произведение вошло в неисправленном виде, многим стала понятна эта литературная метаморфоза: «Редактор “Библиотеки для

чтения” позволил себе вычеркивать, изменять, переправлять, а главное вставлять в повесть г-жи Жуковой от себя такие заплатки, которые совершенно обезобразили повесть» [1, с. 161].

Конечно, рецепция этой повести во многом отражает индивидуальность Сенковского, но в то же время обозначает и общую уничижительную тенденцию в рецепции женского творчества. Вместе с тем «глубинный» гендерный анализ женского письма показывает его неоднозначность, возможность иного прочтения, при котором становится очевидной попытка диалога писательницы со сложившимися литературными стереотипами. При этом Жукова использует особые стилистические приемы, внесюжетные отступления, литературные реминисценции, в которых открыто или в закодированной форме призывает обсудить вопросы любви и брака, положения женщины в современном обществе.

Изображая брачный союз без любви как нравственное и физическое насилие над личностью, Жукова наряду с другими русскими писательницами опровергает мужской взгляд А. С. Пушкина, М. Н. Загоскина и др., восхищавшихся цельностью героинь, верных супружескому долгу вопреки чувству. Женщина в ее прозе становится субъектом психологического анализа, а изображение женского мира приобретает самоценное значение. Вопросы любви и долга, насильственного брака, в котором нет места искренним чувствам, звучат с новой силой в русской литературе 1840-х гг. после выхода целой серии женских повестей (и в первую очередь М. Жуковой). Они оказали заметное влияние на прозу П. Н. Кудрявцева, И. И. Панаева, А. Д. Галахова и др. Брак, совершаемый по принуждению или по расчету, стал рассматриваться писателями-«западниками» как варварство и насилие.

Тема нераскрытого женского сердца становится основным мотивом и в следующей повести цикла – «Барон Рейхман». Изображая похожие проблемы в разных сословиях, от купечества до «высшего света», Жукова выходит к обобщениям в вопросах любви и брака, говоря о типологическом сходстве в судьбах женщины. Она раскрывает механизм заключения светского брака-сделки, где высокий социальный статус и богатое приданое жены играют главную роль. Новаторским является сам образ Натальи Васильевны, юной жены немолодого генерала, которая страдает в создавшейся ситуации и предлагает своему возлюбленному разрешить этот любовный треугольник. Несмотря на злословие света, осуждающего ее за открытое проявление своих чувств, она решает оставить не любимого мужа и уехать со своим возлюбленным за границу. Но ее ожидает предательство со стороны любимого человека, который жертвует чувствами любимой женщины, чтобы сохранить доброе

имя и честь барона. Сюжет «Барона Рейхмана» (1837), по мнению Р. В. Иезуитовой, схематически предвосхищает любовную коллизию «Анны Карениной» (1877). В этой повести Жукова вплотную подошла к «такому решению проблемы взаимодействия личности со средой», которое позднее предложит реалистическая повесть [2, с. 180].

В своих повестях, переосмысляя образ «старой девы», Жукова полемизирует со сложившимися социокультурными представлениями о предназначении женщины быть только дочерью, женой и матерью. В «мужской» литературе изображение этого типажа имеет ярко выраженную отрицательную коннотацию. Это не вышедшая замуж «царь-девица», девушка в возрасте, потерявшая внешнюю привлекательность, у которой вздорный и неуживчивый характер («Княжна Мими» В. Ф. Одоевского; «Мамзель Катишь, или Ловля женихов» П. В. Ефремовского и др.). В повести «Мои курские знакомцы» (1838) Жукова вступает в открытую полемику с авторами-мужчинами: «Разве женщина не имеет уже других обязанностей, другой цели, как, привязавшись к участи человека, которому угодно было возвести ее в достоинство своей супруги, жить для его счастья, а потом угаснуть, оставив по себе несколько новых существ? Разве великая цель существования человека не может быть и ее целью?» Она считает, что можно «быть не бесполезным растением, оставшись и без плода», и посвятить себя заботе о близких людях [3, с. 80]. Это публицистическое авторское отступление свидетельствует о попытке включить проблему женского самоопределения в экзистенциальный философский контекст, связанный с поисками собственной идентичности. В своих повестях писательница не только отражает механизм власти, нравов, обычаев, уродующих женскую жизнь, но и пытается проанализировать причины этой трагедии.

Одной из самых полемичных в творчестве Жуковой стала тема «материнства», которая не соответствовала сложившимся культурным представлениям о роли матери. Писательница подвергает трансформации этот образ, наделенный в мужской литературе функциями дающей, оберегающей, защищающей (идеализированное материнское начало представлено на страницах романов С. Аксакова, И. Гончарова, Л. Толстого). Материнство у Жуковой нередко теряет ореол мягкости, теплоты и предстает как форма власти, собственности и деспотизма. Разрушая созданное в мужской литературе стереотипное изображение матери, она дает собственное видение материнского начала и предназначения женщины. Реконструкцию материнского образа Жукова проводит уже в первых повестях 1830-х гг., вошедших в цикл «Вечера на Карповке», и развивает в прозе 1840–1850 гг. Писательница со-

здает галерею нетрадиционных образов: тетушек (приемных матерей), жестоких вдов (биологических матерей) и «старых дев» (названных матерей).

Мотив самопожертвования является центральным в прозе Жуковой. Он возникает не случайно и связан с гендерным аспектом. Оппозиция герой / жертва в патриархальной культуре практически всегда связана с антиномией сильное /слабое, мужское /женское. Идея самопожертвования, с одной стороны, преодолевает это противостояние, так как предполагает активность, акт самостоятельного выбора, а с другой – воспроизводит стереотип изображения женщины как дающей, страдающей. Этот мотив связан с религиозной традицией, в которой страдание и мученичество трактовались как духовный подвиг, имеющий награду в себе самом. Тема самоотверженности женщины в той или иной степени появляется во всех повестях писательницы, но центральное место она занимает в произведении с характерным названием «Самопожертвование».

Повесть «Самопожертвование», опубликованная в «Русских повестях Марьи Жуковой» (1841), не только развивает уже заявленные в «Вечерах на Карповке» сюжетные схемы, но представляет в то же время новую сюжетную парадигму, заявляющую инновационную модель женского поведения. С образом Лизы, талантливой и незаурядной девушки, совершившей акт самоотречения (бедная девушка, жертвуя своим добрым именем, берет на себя вину графини, чтобы спасти свою благодетельницу от ревнивого мужа), Жукова вводит новый литературный характер. Новизна этой сюжетной линии заключается в первую очередь в нова-

торском финале – изображении жизни девушки, зарабатывающей на жизнь себе и матери собственным трудом (открытие школы-пансиона). Это произведение своим пафосом (возможностью самореализации женщины в профессиональной деятельности) более чем на двадцать лет предвосхитило роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

Читатель узнает историю Лизы через восприятие женщины-автора, перед которой остро стояла проблема выбора и собственного самоопределения. Вызывают исследовательский интерес явные параллели литературного сюжета о бедной воспитаннице Лизе и собственной жизни Жуковой. Причем важным становится не точное совпадение биографических моментов в судьбе двух женщин (литературной героини и автора), а мотив преодоления внутреннего барьера, прохождения своего рода испытания, в результате которого рождается новая женщина.

Повести М. Жуковой оказали заметное влияние на журнальную прозу 1840-х гг. Многие писатели (И. И. Панаев, П. Н. Кудрявцев, А. Д. Галахов и др.) одновременно являлись сотрудниками и рецензентами этих журналов и, следовательно, были знакомы с творчеством Жуковой. Кроме того, в беллетристике более явно прослеживались те тенденции, которые позднее закрепились в «большой» литературе. Некоторые новые коллизии, инновации в характерологии женской прозы были в творчески переработанном виде усвоены и писателями «первого» ряда, найдя свое продолжение в произведениях Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Н. Г. Чернышевского [4, с. 137].

Список литературы

- 1 Полевой Н. А. Очерк русской литературы за 1838 год // Сын Отечества и Северный Архив. 1838. Т. 2. Ч. 2. С. 148–168.
- 2 Иезуитова Р. В. Светская повесть // Русская повесть XIX в. Л., 1973. С. 169–199.
- 3 Жукова М. С. Мои курские знакомцы // Библиотека для чтения. 1838. Т. 27. Ч. 1. С. 61–107.
- 4 Афанасьева Ю. Ю. Творчество М. С. Жуковой в литературном процессе 30–50-х гг. XIX века // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2009. Вып. 4 (82). С. 134–138.

Афанасьева Ю. Ю., кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

Материал поступил в редакцию 18.07.2012.

Y. Y. Afanasyeva

THE DESTRUCTION OF PATRIARCHAL STEREOTYPES IN THE WORKS BY M. ZHUKOVA

The article deals with the reception of the prose by Maria Zhukova from the viewpoint of gender literature studies. In her works, the writer develops new story plots, introducing non-traditional characters.

Key words: 19th century fiction, gender perspective, women's literature.

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.